

Алексей Загуляев

Сумеречная Зона

18+

Алексей Загуляев

Сумеречная зона

«Автор»

2026

Загуляев А. Н.

Сумеречная зона / А. Н. Загуляев — «Автор», 2026

Земля остановилась. Бывший морпех Том пробивается сквозь мёртвую пустыню к сумеречной зоне, где ещё могут спастись живые. В пути он встречает девочку Джин, которая видит мир не таким, как все. Её рассказы полны фантазий и странностей, чуждых прагматичному Тому. Но как поступит рациональный ум, если реальность всё же заставит ухватиться за призрачную надежду?

© Загуляев А. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

104°59'	5
109°32'	10
112°36'	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Сумеречная зона

104°59′

Земля перестала вращаться вокруг своей оси третьего июня. Местное время остановилось на семи часах двадцати пяти минутах утра. Солнечный диск цвета расплавленного металла едва успел подняться над юго-восточным горизонтом, застыв в своём истинном полдне над бывшим Атлантическим океаном, на сорока градусах западной долготы. Теперь океаны выглядели иначе. Вдоль экватора вырос мегаконтинент, а сместившаяся к полюсам вода образовала два новых океана — Великий Северный и Великий Южный. Наверное, так бы они и назывались, если бы кто-нибудь решил выпустить отвечающий реалиям атлас. Разумеется, людям давно не было дела до подобных вещей. Люди выживали, каждый как мог и в зависимости от того, в какой точке планеты оказался в момент, когда необходимо было принять окончательное решение — оставаться на месте, надеясь на чудо, или бежать, ни на что особенно не надеясь.

Этот решающий момент Том застал в небольшом посёлке недалеко от Денвера. Посёлок уже давно опустел — ни людей, ни собак, ни кошек. Ласточки не вернулись весной с юга, а те птицы, что всегда оставались зимовать на месте, просто исчезли. Не было бы здесь и Тома, если бы не последний звонок отца в тот день, когда связь ещё появлялась. Отец сказал, что в сумеречной зоне, в районе терминатора на северо-западе происходят страшные вещи и что он намеревается ехать к Тому, чтобы повидаться с ним перед тем, как мир окончательно и бесповоротно рухнет. Отец не успел сказать, что имел в виду под этими «страшными вещами». Ураганы? Это вполне возможно — на стыке вечной ночи и вечного дня с перепадом более чем в сто градусов трудно вообразить, как поведёт себя уходящая вслед за водой к полюсам атмосфера. Однако старенькое радио на дубовом комоде уже который день с перерывами в полчаса твердило одно и то же:

«...повторяем экстренное оповещение для граждан южных и юго-восточных штатов. Вращение планеты остановлено. Тепловой удар по дневному полушарию достиг фазы необратимой деградации биосферы. Температура воздуха в дневной зоне установилась в пике на отметке около шестидесяти градусов по Цельсию и продолжает расти. Централизованное электро- и водоснабжение прекращено окончательно. Мобильная связь отсутствует. Запасов топлива осталось не так много...»

Это странное «не так много» следовало понимать не иначе как «не осталось совсем». И что значит «вращение планеты остановлено»? Кем остановлено? Могло создаться впечатление, будто планету остановили какие-нибудь учёные ради эксперимента. Но это, конечно, не так. Потому что и учёные оказались там же, где и все остальные, — в глубокой заднице.

Первыми в океане погибли киты и дельфины. Им нужно было всплывать, чтобы дышать, а верхний слой воды прогрелся местами до пятидесяти градусов. Для теплокровных это была верная смерть — они варились заживо у самой поверхности, не в силах нырнуть достаточно глубоко и достаточно надолго. Рыбе пришлось не легче. Кто-то из глубоководных видов, привыкших к вечному холоду и мраку бездны, ещё держался — там, на километровых глубинах. Но пищевые цепочки рвались сверху: погибал планктон, исчезала мелочь, кормившаяся у поверхности, и вслед за ними умирало всё, что ими кормилось. Океан превращался в стоячий бульон, тёплый и мёртвый сверху, ледяной и задыхающийся без кислорода внизу.

Этот повторяющийся призыв безымянного диктора спасать свои жизни отдавался пульсирующей болью в голове Тома. Интересно, где теперь этот человек, спокойным, монотонным голосом вещавший одну и ту же новость? Наверное, и в живых его уже нет. Как нет и этой радиостанции, которая продолжала работать на автомате.

«Единственной зоной, пригодной для сохранения биологической жизни, остаётся полоса вблизи линии терминатора, в районе Портленда — граница между сумеречным поясом и ночной стороной. Гражданам, обладающим автономным транспортным средством и достаточным запасом топлива, предписывается немедленно начать движение в северо-западном направлении в сторону сумеречной зоны. В этом районе организованы пункты временного размещения, распределения воды и медицинской помощи. Не оставайтесь в дневной зоне. Повторяем: не оставайтесь в дневной зоне. Транспортные магистрали в некоторых районах могут оказаться разрушены из-за разрывов земной коры, будьте внимательны за рулём...»

Раньше тень от старого вяза во дворе Тома за день совершала медленный полукруг — от забора до поленницы. Теперь тень замерла. Абсолютно чёрная линия, будто гвоздями наглухо прибитая к растрескавшейся земле. Она не двигалась ни на миллиметр. И это было хуже всего — не жара, не тишина, а именно эта застывшая тень, отменившая само время.

Том то и дело включал мобильник, надеясь, что хотя бы на секунду появится связь. Но связи не было.

В доме стояла гулкая, тяжёлая тишина, нарушаемая лишь монотонным рокотом дизельного генератора в подвале и тихим треском радиоприёмника.

Том стоял посреди гостиной, опираясь ладонями на колченогий буковый стол. На нём были лишь пропотевшие армейские брюки и застиранная майка.

С подбородка на столешницу упала капля пота и мгновенно впиталась в рассохшееся дерево. Он снял с лица кислородную маску. Тяжело вдохнул разреженный воздух. Поморщился и снова замер, нависая корпусом над столом. Сам Денвер располагался в полутора километрах над уровнем бывшего океана, поэтому кислорода здесь сохранилось меньше, чем в долине. Но в этом был и свой плюс — воздух прогревался не так, как там, внизу. Тому приходилось не раз покорять горные вершины, так что он прекрасно знал, как всё это работает, не только в теории.

Его дом превратился в крепость, но эта крепость медленно запекалась, словно в духовке. Окна были наглухо заколочены снаружи листами фанеры и фольгированным изолятором. Но даже сквозь эту защиту неумолимая жара проникала в комнату. Термометр на стене показывал тридцать семь градусов — внутри, в тени, при работающем на износ кондиционере, который жрал сольерку как не в себя.

Том снова вслушивался в слова диктора. Его отец жил в Портленде. И если бы всё было так, как говорил этот голос, то поехал бы старик за две тысячи километров в непригодную для жизни зону, даже если бы хотел увидеться с сыном? Нет. Скорее, он позвал бы Тома к себе. Но он не звал. Отец никогда не был многословен, особенно по телефону. А Том, вместо того чтобы расспросить его подробнее о делах в Портленде, пытался отговорить того от поездки. Но разве отца можно было отговорить? Он был упрям. Куда упрямее Тома. Без сантиментов, без лишней философии, без суетных разговоров. Прямой, как танк. Но оттого и надёжный. Если отец сказал, что приедет, значит, приедет, и остановить его не смогло бы ничто, кроме, пожалуй, смерти. Так что лгал диктор, как пить дать лгал. Либо информация его давным-давно устарела.

Но выбора у Тома не оставалось. Кислородных баллонов было не так много, топливо можно использовать либо для генератора, либо для того, чтобы успеть убраться отсюда. Всё равно через неделю-другую здесь станет ещё жарче — а это уже неминуемая гибель.

Он ждал отца дольше разумного. Если старик до сих пор не приехал, значит, не осилил дорогу либо застрял где-то в пути, что тоже не обещало для него ничего хорошего. Тому не хотелось думать, что отца больше нет. Он давил эту мысль в зародыше, но она неизменно высывалась на поверхность его сознания. «Пошла к чёрту!» — кричал он ей вслух. И пугался собственного голоса, осипшего и странно-чужого.

Катастрофа не была внезапной, как взрыв или удар астероида. Она напознала медленно, как паралич. Когда всё это началось, время стало первой проблемой. Его нельзя было све-

речь с атомными часами — те никак не синхронизировались со скоростью вращения Земли. Спутники начали посылать искажённые сигналы, поскольку сверялись всё с теми же атомными часами. Навигация по GPS сделалась непригодной. В первый год, когда Земля замедлилась всего лишь на три процента, случились сотни авиакатастроф. Два с половиной миллиарда человек, привыкшие пользоваться небесным транспортом, пересели на автобусы, автомобили и поезда. И полный транспортный коллапс не заставил себя ждать. Паника набирала обороты быстрее, чем тревожные новости из радио- и телеэфиров. Ещё через полгода возникла проблема куда более серьёзная, нежели время. К удлинившимся суткам ещё можно было как-то привыкнуть, но вот с отливами океанов, воды которых устремились от экватора к полюсам, справиться было уже нельзя. Лондон, Торонто, Галифакс, Бостон, — эти города уже покоились под толщей воды. А вслед за водой последовала и атмосфера. Рио-де-Жанейро, Мумбаи и Сингапур первыми испытали на себе это планетарное удушье. Эвакуация городов-миллионников в условиях жуткой паники сделалась практически невозможной. Каждый стал спасаться как мог. Топливный дефицит довершил трагедию, поскольку и наземное передвижение сделалось уделом тех немногих, кто вовремя успел в достаточных количествах запастись горючим.

В конце концов Земля вошла в приливный захват — обратилась к светилу одной стороной — как Луна к Земле. Магнитное поле ослабло. Полюса немного сместились. Одно полушарие погрузилось в вечную, стремительно вымерзающую ночь, а другое — в раскалённую жаровню, над которой недвижно висело слепящее белое солнце.

Между ними, вдоль всей планеты, протянулась узкая полоса вечных сумерек — терминатор. Единственное место, возле которого ещё как-то мог выживать человек. Теоретически. Том не знал этого наверняка.

Генератор в подвале чихнул, издал металлический скрежет и заглох. Кончилась солярка в расходном баке. В тот же миг заглох и радиоприёмник, и в доме стало так тихо, что Том услышал, как трескаются под тепловым напором деревянные балки на чердаке.

Он подошёл к стене, взялся за дужку огромного армейского баула и взвалил его на плечо.

Приготовления заняли последние три недели, а завершающая погрузка — три дня. Том действовал без суеты, со скрупулёзностью человека, привыкшего рассчитывать каждый грамм веса и каждый миллилитр воды. На кухне ровными рядами стояли синие пластиковые канистры по двадцать литров — отфильтрованная вода из глубокой скважины. Скважина иссякла вчера: насос захлебнулся, начав качать сухую, раскалённую пыль. Всего Том набрал двести литров. По самым скудным расчётам этого должно было хватить недели на полторы. Ровно столько, сколько понадобилось бы на путь до сумеречной зоны. Если, конечно, ничего не сломается.

В гараже, пристроенном к дому, стоял его пикап — тяжёлый полноприводный «Форд» F-350 конца девяностых. Дизельный, механика, никакой электроники, которую можно спалить или которая откажет от перегрева. Простой, как молоток, и такой же надёжный.

Том провозился с ним последний месяц.

Первым делом — охлаждение двигателя. При сорока пяти градусах за бортом штатный радиатор был бесполезен. Том установил второй радиатор параллельно с первым, поставил два дополнительных вентилятора и — главное — врезал в систему бак-теплообменник на сто литров воды. Вода принимала на себя жар двигателя, закипала, и её приходилось периодически стравливать паром и доливать. Расточительно. Но иначе мотор сварился бы за первый же час.

Кабину он выпотрошил и обшил изнутри в два слоя: сначала базальтовая вата, затем — тот же фольгированный отражающий изолятор, блестящей стороной наружу. На все стёкла наклеил зеркальную плёнку, какую пускают на остекление самолётных кабин и иллюминаторов, — она отбрасывала львиную долю лучистого тепла обратно в мутное небо.

Кондиционер он собрал отдельный — компрессорный, автомобильный, но запитанный не от двигателя, а от отдельного блока аккумуляторов, которые заряжались на ходу от генератора и частично от солнечных батарей. Он охлаждал только кабину — крохотный, наглухо

изолированный объём, отгороженный не только от кузова, но и от соседнего кресла справа. Больше места ему и не требовалось.

Обычный асфальт начинает размягчаться уже при сорока градусах. При шестидесяти — он превращается в густую, липкую смолу. При восьмидесяти на прямом солнце — асфальт закипает. Обычная автомобильная шина, попав на такое покрытие, за несколько минут облепляется кипящим гудроном, теряет баланс, а затем резину просто срывает с корда от перегрева.

Том предусмотрел это, насколько хватило сил и инженерной мысли. Снял с пикапа стандартные шоссейные колеса и установил сдвоенные задние мосты с тяжелыми, цельнолитыми шинами от фронтального погрузчика. В них не было воздуха, который мог расшириться и взорвать колесо от жары — это была сверхпрочная армированная резина, способная резать жидкий гудрон.

В кузове, притянутые такелажными ремнями, лежали канистры с соляровкой — почти четыреста литров в дополнительных баках и таре, — сухпайки, ящик с инструментом, аптечка, два спасательных тента из фольгированной ткани, комплект резины и компрессор.

Отдельно, в жёстком чехле, лежал теплоотражающий костюм — серебристый комбинезон из алюминизированной ткани, какие носят пожарные при работе у открытого пламени или рабочие у доменных печей. Том забрал его из брошенной пожарной части. Костюм лишь отражал жар и давал несколько минут, чтобы что-то починить снаружи под прямым солнцем, не успев получить ожоги. Больше этот костюм ни на что не годился: под ним человек потел и перегревался за считанные минуты, потому что тепло тела ему тоже некуда было деть. Но эти несколько минут могли однажды спасти жизнь.

Том открыл тяжёлую дверь в гараж. Пахло соляровкой, горячей резиной и пылью.

Он начал загрузку. Каждая канистра с водой весила двадцать килограммов. Том брал по одной в каждую руку, подносил к борту и плавно, без рывков, перекидывал в кузов. В каждом движении читалась привычка к тяжёлому, монотонному труду.

В прошлом месяце ему исполнилось тридцать два, но его тело — сухое, жилистое, покрытое старыми шрамами — работало как отлаженный механизм. Он не останавливался, чтобы перевести дух. Здесь любая заминка означала лишний пот, а значит — лишнюю потерю воды.

Когда последняя канистра встала на место и была притянута ремнём, Том вытер лоб тыльной стороной ладони. Натянул плотницкую рубашку с длинным рукавом, надел выгоревшую кепку с широким козырьком и тёмные поляризационные очки.

Он подошёл к воротам гаража. За ними лежал мир, в котором больше не было жизни.

Том взялся за ручку, выждал секунду, собираясь с духом, и рывком поднял створку вверх.

Мир за воротами встретил его ударом.

Это был не просто свет — это был плотный поток тепла, который, казалось, имел вес и давил на кожу. Даже через тёмные очки глаза защипало. Воздух снаружи был как раскалённое масло. Все ветры мира ушли туда, на границу между полосой выживания и бушующим океаном. Само солнце висело невысоко на юго-востоке, но за два месяца без единой ночи выжженная земля так и не остыла ни на градус, а мутное от гари небо не выпускало тепло обратно — вся зона вокруг Денвера медленно тушилась в собственном соку.

Улица некогда уютного пригородного посёлка выглядела как декорация к фильму о ядерной катастрофе. Асфальт пошёл волнами, вздулся чёрными пузырями и местами просел. Газоны превратились в ровное серо-жёлтое поле пепла, в который рассыпалась при малейшем касании выгоревшая трава. От соседского дома напротив остался лишь кирпичный остов печной трубы — пару недель назад там от жары рванул газовый баллон, и пожар никто не тушил. Тушить было некому.

Деревья стояли голые. Листья не опала — она сгорела прямо на ветвях, скрутившись в чёрные хлопья.

Том запрыгнул в кабину, захлопнул тяжёлую дверь и повернул ключ.

Мотор схватился, затрясся, вышел на ровные обороты. На панели стрёлка температуры охлаждающей жидкости тут же поползла вправо и замерла в миллиметре от красной зоны — и это сразу после запуска.

Том включил кондиционер. Из дефлекторов дунул относительно прохладный, сухой воздух — тридцать шесть градусов вместо сорока пяти. Роскошь.

Он воткнул первую передачу, плавно отпустил сцепление, и тяжёлый пикап, хрустя спёкшимся гравием, выкатился из гаража.

Том не стал оглядываться на дом. Он прожил здесь двенадцать лет. Внутри осталась вся его прежняя, аккуратно расставленная по полкам жизнь. Но теперь это был просто гроб, который догорит через пару недель, когда температура поднимется ещё на пару градусов.

По самому шоссе ехать было нельзя: битум кипел, вздувался большими чёрными пузырями и лип к колёсам. Он выехал на грунтовую дорогу, параллельную с трассой I-80.

Повсюду стояли брошенные автомобили. Дверцы некоторых были распахнуты — люди бросали заглохшие автомобили и уходили пешком. Том видел их. Они лежали, не успев сделать и тысячи шагов без защиты: чёрные, ссохшиеся до состояния мумий.

Дорога петляла, местами уходила далеко вправо, и предстоящие две тысячи километров должны были увеличиться как минимум ещё на пятьсот.

Две тысячи километров выжженной пустыни. Две тысячи километров ада, на дальнем краю которого лежала тонкая полоса тени — граница, за которую отчаянно цеплялись остатки человечества. Или не цеплялись, — но в любом случае Том должен был ехать на северо-запад.

109°32'

По жизни Том был выживальщиком. Не из тех, что закупают тушёнку и обклеивают бетонный погреб лозунгами про конец света, а настоящим — тем, кто снова и снова добровольно уходит туда, где человек не должен выживать, и возвращается.

Четыре года он отслужил в морской пехоте, в разведывательно-диверсионном подразделении — тех самых войсках, где учат сутками сидеть по горло в воде, ориентироваться без карты и приборов, пить из луж и не сходить с ума в одиночестве. После армии старые приятели один за другим либо ушли в ЧВК, либо осели: ипотека, дети, барбекю по выходным. Тома же тянуло туда, где жутко. Для него эта жуть выживания имела особую красоту — ту, которую не объяснить простыми словами, да и сложными тоже. В ЧВК он не пошёл лишь по той причине, что со временем стал сомневаться в оправданности их большинства миссий. Он не любил бессмысленного насилия, если вообще любое насилие можно хоть как-то определить этим словом — «любить».

Он в одиночку прошёл маршрут через солончаки Долины Смерти в разгар лета, когда термометр показывал под пятьдесят в тени, — просто чтобы проверить, сколько воды на самом деле нужно человеку и сколько он потеряет в весе. Он две недели выживал на необитаемом островке в Тихом океане с одним ножом и флягой — без спичек и без запасов воды. Он ходил зимой в горы Аляски, ночевал в снежных пещерах при минус тридцати и научился на собственной шкуре тому, чему не научит ни одна книга: что холод убивает медленнее жары, но вернее, и что паника отнимает больше сил, чем любой мороз.

Именно поэтому сейчас он был спокоен. Не потому, что не боялся, — а потому, что давно понял: страх нужно посадить рядом, как пассажира, и не давать ему без крайней необходимости открывать рот.

О том, что ждёт его в конце пути, Том знал в основном по обрывкам старых передач — тех, что крутились в эфире, пока ещё оставались люди, способные их транслировать. Терминатор — не рай. Там, где горячее дыхание дневного полушария встречалось с ледяной стеной ночи, стоял вечный шторм. Раскалённый воздух с востока непрерывно поднимался вверх, ему на смену от ночной стороны катился тяжёлый морозный вал — и на стыке рождались ветры, каких Земля прежде не знала. Небо над терминатором вечно клубилось чёрными тучами, там шли бесконечные ливни, там гремели грозы и проносились ураганы, срывавшие всё, что намертво не вросло в землю. Но именно там была вода — пресная, падающая с неба, — и температура, при которой человек не спекался. Люди селились не на самой линии, где бушевала стихия, а чуть глубже, в сумеречной зоне: узкая полоса, где солнце висело у горизонта, давая тусклый, вечно утренний свет, а земля не остывала до заморозков и не раскалялась. Тонкая, в несколько сотен километров, лента жизни, опоясывавшая мегаконтинент от полюса до полюса.

Грунтовка тянулась вдоль мёртвого шоссе, монотонная, как удары метронома. Чтобы не заснуть под мерный гул мотора, Том думал.

Думал об отце. Думал о том, чем встретит его Портленд. Прикидывал, что будет с планетой через год, если начавшиеся процессы ничто не сможет остановить.

Думал о Вирджинии...

Он познакомился с ней семь лет назад на скальном маршруте в Йосемити — она висела на отвесной стене выше него, лёгкая, злая и уверенная, и на его осторожный совет крикнула вниз, чтобы он не лез со своими армейскими замашками на её гору. Она была скалолазкой от бога. Она научила его читать камень, доверять пальцам, чувствовать точку опоры там, где он видел лишь гладкую плиту. А он научил её дайвингу — увёл в другую стихию, вниз, под воду, где всё было наоборот: медленно, тихо, невесомо. Они дополняли друг друга, как две стихии — камень и вода. Верх и низ.

Том даже не знал, были ли их отношения серьёзными. В том смысле серьёзными, который вкладывают в это определение обычные люди. Они никогда не задумывались об этом — просто всегда старались быть рядом, что называется, «и в здравии, и в болезни». Мысли о том, чтобы скрепить столь естественный союз браком, ни разу не возникло ни у Вирджинии, ни у него. Теперь это виделось Тому слегка странным. Не сказать, чтобы они чувствовали себя как брат с сестрой. Их чувства в подходящие моменты обретали ту страсть, которой между братом и сестрой не бывает. Они наслаждались друг другом и наслаждались тем, что позволяла им делать горячая кровь, крепкие мускулы и свободный ум. Шесть лет совместного творчества этой свободы пролетели как один день. Лишь однажды неожиданно даже для самого себя Том пригласил Вирджинию к своему отцу. Понимал, что это выглядит как знакомство с родителями, что налагало на их отношения уже некоторые обязательства. И Вирджиния это тоже понимала. Оттого весь путь до Портленда в тот раз выдался каким-то неловким — почти всю дорогу они либо молчали, либо говорили ни о чём, ожидая, что кто-то из них первым выскажет всё как есть. Но никто не высказал. Знакомство состоялось. К счастью, Вирджинии отец Тома понравился. Они много лазали по горам, прошлись по самым сложным маршрутам Форест Парка, ходили смотреть белоголовых орланов в Оукс-Боттом. Но про тайный смысл этой поездки так и не обмолвились ни единым словом.

Год назад Вирджиния пошла на восхождение одна, нарушив их негласный договор оставаться рядом даже в болезни. А Том тогда заболел. Ничего серьёзного, то ли грипп, то ли ещё какой-то вирус. Обычно он не пил даже таблетки и не ходил к врачу, чтобы тот поставил ему диагноз. Всегда до этого Вирджиния предпочитала «болеть» за компанию. Просто лежала рядом, меняла мокрые простыни на сухие, приносила воды, целовала в горячий лоб. В предпоследний раз во время такой «лёжки» Том даже поймал себя на мысли, что это ему стало нравиться не меньше, чем покорение Эвереста. Просто быть рядом, смотреть какой-нибудь бесконечный детектив про Пуаро или Коломбо и млеть от мысли о том, что всё самое необходимое для его жизни здесь, на расстоянии вытянутой руки.

Но не в тот последний раз, год назад. Сложный маршрут, который они собирались пройти вдвоём и который были вынуждены пока отложить из-за болезни Тома. Он умолял её подождать пару недель. Она не стала. Первый раз не захотела ждать ни минуты. Он не понимал, что на неё нашло. Привёл ей все доводы, которые только смог придумать — Вирджиния лишь молча смотрела в пол и ничего на это не отвечала. Может, почувствовала это душевное колебание Тома и своим поступком молчаливо дала понять, что подобного не случится? Так и ушла, не сказав ни слова. Он почти возненавидел её за это упрямство, неожиданное, беспричинное на первый взгляд и... трагическое.

Вирджиния сорвалась на спуске. Её обнаружили на скалах слишком поздно — умерла по дороге в больницу.

Теперь, ведя машину сквозь мёртвую, застывшую под белым солнцем пустыню, Том поймал себя на странной, постыдной мысли: а может, ей повезло? Может, лучше было разбиться на той скале, в ясный день, под нормальным, живым, движущимся солнцем — чем видеть вот это.

Сейчас он не знал, горевать ему или завидовать. И от этого незнания было тошно.

Долгую грунтовку вдоль I-80 Том полз уже несколько часов. Где-то слева, за грядой спёкшихся холмов, остался мёртвый Рок-Спрингс — россыпь плоских крыш, над которыми не поднималось ни одного дымка. Указатель на съезде ещё держался, выгоревший добела, и Том машинально прочёл его: до Грин-Ривер оставалось всего ничего.

Пикап качнуло на яме. Стрелка температуры двигателя снова подобралась к красной черте — пора было стравливать пар из теплообменника и доливать воду. Том сбросил скорость, присмотрел ровную площадку за оборванной лентой колючей проволоки бывшей ограды и остановился.

Долить воду можно было только снаружи, у переднего бампера, под самым капотом, где металл раскалялся так, что о него шипела слюна. В рубашке туда не сунешься. Он перегнулся назад, вытащил из-за сиденья жёсткий чехол и расстегнул его.

Серебристый комбинезон из алюминизированной ткани лёг на колени тяжёлыми, негнущимися складками. Том натянул его прямо поверх одежды, застегнул до горла, надвинул капюшон с зеркальным щитком и стал похож на глубоководного водолаза. В кабине, в тесноте, он сразу же начал задыхаться. Время пошло. Минуты три-четыре, не больше, — потом он сварится в нём сам.

Он взял канистру, толкнул дверь и вышел.

Том двигался быстро и точно, без единого лишнего жеста: обошёл капот, откинул лючок теплообменника — оттуда с шипением рванул пар, лизнув перчатку, — выждал, пока стравится давление, и начал лить. Вода уходила в горячее нутро с яростным клёкотом, испаряясь на треть прямо на входе. Он считал про себя. Двадцать литров. Крышка. Лючок. Готово.

И вот тут, распрямляясь, он и увидел это.

Справа, далеко на северо-западе, за краем выжженной равнины, в мутное небо уходил столб. Чёрный. Плотный. Он стоял совершенно вертикально — ровная, как ствол исполинского дерева, колонна, поднимавшаяся из-за горизонта куда-то вверх, выше, чем Том мог проследить взглядом, растворяясь в жёлто-буром мареве неба. Столб не гнулся, не клонился, не размазывался в шлейф. Ему нечем было размазываться. Ветра не было. Он просто всплывал вверх на собственном жаре, отвесно, и так же отвесно, невыносимо медленно оседал обратно, будто чёрный снег в безвоздушном пространстве.

Том знал, что там. Севернее, километрах в двухстах пятидесяти. Он не был силён в геологии, но это знали все — та самая кальдера, Йеллоустоун, спящая тысячи лет, о которой писали пугающие статьи и снимали пугающие фильмы. Проснулась. Земля, ослабившая своё магнитное поле, сдвинувшая полюса, разорванная разломами, — Земля вскрыла и это.

Он стоял и смотрел, теряя драгоценные секунды и не в силах отвернуться.

Что-то мягко коснулось зеркального щитка.

Том скосил глаза. По серебристой ткани на его плече медленно, невесомо, полз вниз крохотный серый лепесток. За ним другой. Третий опустился на тыльную сторону перчатки и остался лежать — лёгкий, сухой, похожий на пепел от сгоревшей бумаги. Том поднял голову. В неподвижном раскалённом воздухе, редкие и оттого особенно жуткие, кружились, снижаясь почти отвесно, тёмные точки. Их было ещё совсем мало. Он не мог бы сказать наверняка — то ли это долетел первый пепел оттуда, из-за горизонта, то ли просто гарь от здешних, ближних пожаров. Разницы, впрочем, не было никакой.

Внутри костюма стало нечем дышать. Том опомнился, коротко, зло выдохнул и, отвернувшись наконец от чёрного столба, полез обратно в кабину. Стащил капюшон, расстегнул костюм до пояса, хватая ртом прохладный воздух из дефлекторов. Пот заливал глаза. На плече серебристой ткани всё ещё лежал, не тая, серый лепесток пепла.

Джеймс-Таун Том проехал не останавливаясь — три улицы спёкшихся коробок, ни одного целого стекла. За посёлком дорога выпрямилась и пошла под уклон, к реке. Вернее, к тому, что было когда-то рекой.

Раньше там были проложены три моста — две ленты трассы и, левее, отдельная нитка WY-374. Все три сложились одинаково, будто их роняла одна и та же рука. Пролёты просели в середине и уткнулись обломанными концами в невидимое дно, встав под углом друг к другу. Издали это напоминало корявую римскую пятёрку.

Реки не было, а её русло, лишённое влаги, треснуло и разошлось. Там, где текла вода, теперь чернел разлом — метров двадцать поверху, а вглубь дна не было видно вовсе. Сухая тьма. Раскалённый воздух дрожал над кромкой, и казалось, что расщелина дышит.

Том остановил пикап метрах в тридцати, не глуша мотор.

Потом натянул капюшон плотницкой рубашки, надвинул кепку и вышел. Решил в этот раз не пользоваться пожарным костюмом, потому как неизвестно, сколько потребуется времени для переправы — во всяком случае не четыре минуты, а куда больше.

Жар взял его за горло сразу же, — плотный, тяжёлый, с привкусом гари и раскалённого камня. Том дошёл до края, стараясь не наступать подошвами на расплавленный асфальт, и заглянул вниз.

Стенка с его стороны обваливалась вертикально — туда не спустишься. Один из пролётов трассы лёг иначе, чем остальные. Он не рухнул, а сполз: бетонная плита съехала одним концом на этот берег, а другим упёрлась в противоположную стенку, перекрыв разлом наискось, точно рухнувшее дерево через ручей. Мост стал мостом снова — только кривым, заданным градусов на двадцать и заканчивающимся неизвестно чем.

Том долго смотрел на него. Прикидывал.

Заехать на плиту он мог. Съехать на той стороне — если там есть, куда съехать, — тоже. Но между этими «если» лежали десятки метров бетона, треснувшего вдоль и поперёк, с торчащей ржавой арматурой, наклонённого так, что гружёный пикап на первом же ступке спёкшейся пыли мог сорваться боком в разлом. Тормоза тут не помогут.

Он вернулся к машине и размотал трос. Выщелкнул муфту с передней лебёдки, освободил барабан и потянул крюк на себя, разматывая трос через плечо, шаг за шагом, к плите.

Якорь нашёлся сразу. У основания сползшего пролёта из грунта торчал бетонный бык — обломок опоры, вкопанный в берег на несколько метров. Надёжнее не придумаешь. Том захлестнул вокруг него стропу. Но крюк лебёдки закрепил не за буксирную петлю — пропустил трос через рым-болт, приваренный к правому лонжерону, чтобы натяжение шло чуть наискось и страховало от бокового соскальзывания. Накинул крюк на стропу, проверил зев замка. Дёрнул рукой, всем весом. Держит.

Замысел был простой. Не лебёдка потащит машину — машина пойдёт сама, на первой, малым ходом. А трос будет держать её сверху по склону, не давая соскользнуть вбок и вниз, и подстрахует, если заглохнет двигатель или сорвётся колесо. Живая верёвка над пропастью. Метров тридцать — минуты две ползком. Две минуты, за которые ничего не должно пойти не по схеме.

Он вернулся в кабину. В прохладе — тридцать шесть против пятидесяти снаружи — по спине сразу поползли ледяные ручейки пота. Кожа на лице горела. Воздуха не хватало. Он схватил заранее приготовленную кислородную маску, открыл на баллоне вентиль. Сделал несколько вдохов. Стало немного легче. Том вытер ладони о штаны, взялся за руль, подвёл пикап к началу плиты и поставил колёса точно по её оси.

Передние скаты въехали на бетон. Машина клюнула носом вверх — плита шла в подъём. Трос натянулся и запел тонкую, высокую ноту.

Том отпускал сцепление по миллиметру — глубокий, ровный рокот, от которого дрожал руль. Пикап полз. Под днищем хрустела и сыпалась вниз, в темноту, бетонная крошка — Том слышал, как она стучит по стенкам разлома и стук этот угасает, не достигая дна.

Слева, в двух метрах от колеса, начинался обрыв. Том не смотрел туда. Он смотрел на трос — на его натяжение, на прямую, звенящую от нагрузки линию, уходящую вперёд, к бетонному быку. Пока трос прямой — всё хорошо.

На середине плиты пересекала трещина. Пикап качнуло, переднее колесо просело в неё и вылезло, задок повело вправо, к краю, — и трос принял рывок на себя, дёрнув всю машину носом обратно к оси. Металл коротко, страшно взвизгнул. Том замер, вжав сцепление. Выждал секунду. Две. Трос держал. Бетонный бык держал. Он выдохнул сквозь зубы и снова, по миллиметру, отпустил сцепление.

Ещё пять метров. Три. Арматурина скребнула по днищу — визг стали о сталь, от которого свело зубы.

Два... Один...

Передние колёса перевалили через дальний край плиты и встали на твёрдый, потрескавшийся, но ровный грунт того берега. Том дал чуть больше газа — осторожно, — и пикап, тяжело качнувшись всем корпусом, выполз с бетона целиком и встал на другой стороне разлома, прилипнув колёсами к размякшим остаткам асфальта.

Он не сразу снял ногу с педали. Сидел, держась за руль обеими руками, и слушал, как колотится сердце — гулко отдаваясь шумом в ушах. Трос за ним обвис и лёг на бетон дугой.

Теперь его нужно было забрать.

Том снова вылез в жар. Прошёл тридцать метров назад по кривой плите — уже пешком, налегке, стараясь не думать о том, что справа под ногами двадцать метров пустоты, — снял стропу с бетонного быка, отцепил крюк. Это были самые длинные тридцать метров: без машины, без прохлады, под белым слепящим солнцем, на этой долготе лишь немного сместившимся ниже к горизонту.

К пикапу он почти бежал. Ввалился в кабину, захлопнул дверь, вцепился в дефлекторы обожжёнными сквозь перчатки пальцами. Сухой прохладный воздух пошёл по лицу. Минуты четыре снаружи, прикинул он. Ещё бы пару — и очки, и кепка перестали бы спасать.

Он домотал лебёдку до конца, защёлкнул муфту, стравил из теплообменника накопившийся пар.

Не без труда отлипнув от вцепившегося в резину асфальта, он опять свернул на грунтовку. Впереди дорога забирала вправо, огибая что-то, чего Тому отсюда было не видно. Он воткнул первую и покатыл — дальше на северо-запад, к тонкой полосе тени, до которой оставалось ещё очень, очень недалеко.

112°36'

Он объехал Сиракьюз с запада, держась I-80, и рассчитывал пройти вдоль западного берега Большого Солёного озера. Раньше, когда он ездил в Портленд к отцу, он сворачивал отсюда на север, на I-84, но в этот раз решил идти напрямик, через солончаки: топлива осталось меньше, чем он рассчитывал, и лишний крюк на север он позволить себе не мог.

Конечно, было бы наивно думать, что Том обнаружит озеро в том состоянии, в котором оно было в прошлом. Но оказалось, что наивно было полагать, что Большое вообще теперь существует. От озера не осталось даже и лужи.

Том нёсся по насыпи. Ослепительно белое пространство до самого горизонта. Это был уже край солончаковой пустыни Бонневиль, где когда-то носились самые быстрые автомобили в мире, устанавливая рекорды предельной скорости. Соль под колёсами спеклась до состояния бетона. Местами её вспучивало жаром, она набухала и взрывалась, образуя маленькие кратеры, — ими была усеяна вся округа. Машину подбрасывало на этих кочках. Рессоры работали на износ. Стropy, державшие в кузове груз, испытывали предельную нагрузку. Но Том чувствовал «Форд», как своё собственное тело. Если бы хоть что-то ослабло, он понял бы это сразу.

Чуть больше тысячи километров были уже позади. Почти экватор его маршрута. Том посчитал, что не помешало бы при первой же возможности сделать большой привал: пополнить запасы топлива и воды и хотя бы вздремнуть на час-полтора, потому что он не спал уже двое суток. Голова его всё больше набивалась ватой. В таком состоянии непременно можно было бы совершить неверный маневр и потерять машину — и в таком случае гибель станет вопросом совсем недолгого времени.

Съезд Том заметил не сразу — щит выгорел добела, ни одной буквы. За ним, на краю соляной равнины, стоял придорожный пункт: плоский навес над мёртвыми колонками, коробка магазина с выбитым стеклом и вытянутый в ряд мотель под длинной галереей. Оседавшая повсюду соль делала пейзаж почти зимним.

Том нашёл место за невысоким складом — туда не добирались напрямую солнечные лучи. Особых преимуществ это, конечно, не давало, но инстинктивно казалось, что там, где тень, там и спасение от жары. Том посмотрел на датчик температуры воздуха снаружи — плюс тридцать девять. Это порадовало. Приближение к сумеречной зоне и впрямь работало — температура уменьшалась, цвет неба на юго-востоке становился грязновато-розовым, тени от предметов делались почти бесконечными.

Том заглушил мотор. Стравил пар.

Топлива на заправке, само собой, добыть не получится — даже если в подземном резервуаре оно и есть, без электрического насоса его не поднять наверх. Возможно, в самом отеле найдутся запасы для генераторов. Ну и вода... В подсобках таких мотелей в бойлерах обычно хранится литров триста чистой воды — Том знал это очень хорошо. Если до него в этом мотеле особо много народа не побывало, то шанс пополнить свои запасы виделся неплохим.

Том взглянул на наручные часы. В них тоже не было особого смысла, как и в тени, но нужно было соотносить свой жизненный цикл с прежним обычным ритмом. К тому же, эти часы подарил Тому отец на его шестнадцатилетие — и уже поэтому они были для него так важны. Стрелки показывали 7:25 утра. Том прикинул в уме, сколько прошёл от Денвера по долготе. Выставил ручную новое время. Получилось 6:55 до полудня.

Он надел очки, натянул на лицо повязку, чтобы не дышать мелкой солёной пылью. Кепка, капюшон, перчатки... Всё как обычно. Открыл дверь и ловко спрыгнул с подножки. Небольшое облачко соли взметнулось из-под ног и тут же опустилось назад на землю.

Тридцать девять за бортом ощущались так, как раньше ощущались бы тридцать. Организм постепенно адаптировался к высоким температурам.

Том осмотрелся.

Первым делом решил зайти в магазинчик. И там сразу обнаружил весьма необычную вещь — если продукты с полок давно были разграблены, то бутилированная вода осталась нетронутой. Её было много. Он пробовал объяснить себе это явление — и не мог. Подошёл к полке. Открутил пробку на одной из бутылок. Понюхал. Ничем не пахло. Сделал осторожный глоток. Вода. Обыкновенная вода. Противная на вкус из-за того, что была слишком тёплой — но вода.

В животе сразу же заурчало. Он не ел всё то время, пока ехал. И не спал, забываясь на коротких остановках лишь на несколько неощутимых секунд.

— Странно, — сказал он вслух, и снова удивился собственному голосу.

С запасом воды в таком случае проблем не осталось. Но то, что и топливо где-то окажется нетронутым, было бы уже на грани фантастики.

Том вышел из магазина и повернул к отелю. Там его ждал ещё один сюрприз, правда, уже не такой приятный. К ступенькам, ведущим на крытую террасу, тянулись цепочки следов, чётко отпечатанные на солевой плёнке. Том присел, потрогал следы рукой — свежие, не запёкшиеся. Шли двое — взрослый человек в армейских берцах (судя по их размеру, мужчина) и ребёнок. По динамике следов было понятно, что ребёнок сопротивлялся, его тянули на террасу силой. Детские следы обрывались возле одной из дверей номера с перевёрнутой цифрой «7». Мужские следы уходили дальше, сначала до подсобки, где Том и надеялся отыскать топливо в генераторе, а потом из-под террасы в сторону железного склада со съехавшей на бок крыши, метрах в сорока от мотеля.

Том достал из нагрудной кобуры свой «Зиг», с которым не расставался со времён службы. Модель «P226», надёжная, с достаточно вместительной обоймой. Без предохранителя, с тугим ходом для первого выстрела. Взялся обеими руками, чуть опустив ствол к земле. Медленно подкрался к двери.

Усталость от дороги и от бессонных суток тяжело давила на плечи. Глаза сквозь очки с трудом фокусировались на далёких объектах. Том чувствовал, что сейчас опасность реальна и, возможно, уже поджидает его совсем рядом. Вряд ли обнаруженные следы принадлежали дочери и отцу, который уговаривал капризную девочку отдохнуть, спрятавшись от солнца в отеле. Портленд хоть и находился ещё в тысяче километрах отсюда, но «страшные вещи» имеют свойство передвигаться быстрее автомобиля и расширять свои границы безмерно.

Порция адреналина горячей волной пробежала по всему телу.

Том тихонько толкнул дверь. Она оказалась не заперта.

Том отсчитал четыре секунды и толкнул уже с силой, так что петли взвизгнули и дверь распахнулась настежь.

Он присел на колено, пошарил стволом по затемнённому пространству номера. Снял очки. Прищурился. И увидел испуганные глаза девочки, пластиковой стяжкой прикованной одной рукой к спинке кровати. Она сидела на полу, поджав под себя ноги в белых выцветших кроссовках, и прижималась к матрацу: серые камуфляжные брюки, тонкая хлопковая футболка, бывшая когда-то персикового цвета и с каким-то рисунком, а теперь блекло-бежевая и с дыркой на левом боку; бейсболка, надетая козырьком назад, две тёмно-русые косички, растрепавшиеся на концах; чёрные, слегка раскосые глаза. Вообще в девочке было достаточно азиатского, но на какой-то европейский манер.

Том замер. Ситуация сложилась довольно необычная. Встретить ребёнка, прикованного к кровати в мотеле посреди солёной пустыни — такого он точно увидеть не ожидал.

Девочка тоже молчала. Испуг в её глазах сменился не меньшим удивлением.

Том опустил пистолет.

— Ты кто? — спросил он.

Вопрос повис в воздухе.

— Как ты здесь оказалась?

— А ты? — голос девочки прозвучал звонко и уверенно.

— Я Том. Остановился из-за воды. Почему тебя привязали к кровати? Кто с тобой из взрослых?

— Отвяжи меня. Он скоро вернётся.

— Кто он?

— Я не знаю. Рейдер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.